MSB VOLUME 1:
THE BRICKS OF TOMORROW

The world is balancing on the brink.
And that brink is already cracking.

18+

Александр Волков

МСБ Том 1: Обломки завтрашнего дня

https://litres.ru/74352094
SelfPub; 2026

Аннотация

Мир держится на тонкой нити. Два процента населения владеют восемьюдесятью процентами ресурсов. Одни из них хотят заморозить время, чтобы навсегда остаться на вершине. Другие мечтают о рывке — о новом мире, где они станут богами. Третьи просто ждут, пока система рухнет под собственной тяжестью.

Равновесие держится на страхе. И на технологиях, которые делают этот страх управляемым. Но в секретной лаборатории происходит открытие, которое не должно было случиться. Частица, переписывающая код жизни. Ключ к бессмертию. Или к концу всего.

Теперь у каждого есть выбор. Использовать открытие, чтобы навсегда закрепить свою власть. Или уничтожить его, чтобы дать миру шанс на эволюцию, а не на революцию. Пятеро людей, не связанных ничем, кроме одного — они не умеют смотреть в сторону, — оказываются в центре этого выбора. Они ещё не знают, что их ждёт. Они знают только, что назад дороги нет.

Мир балансирует на грани. И эта грань уже трещит.

Содержание

СОДЕРЖАНИЕ 6
ПРОЛОГ: АГОНИЯ СИСТЕМЫ 9
ТРЕЩИНЫ В СИСТЕМЕ 16
ГЛАВА 1. СТАРЫЙ НОВЫЙ МИР 20
ИСКРА В ТЕМНОТЕ — ЗВОНОК В ПУСТОТУ 20
РЕШЕНИЕ В ТИШИНЕ 26
ФИНАЛ ГЛАВЫ 37
ГЛАВА 2. РОЖДЕНИЕ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА 38
I. КУЗНИЦЫ АПОКАЛИПСИСА 38
II. ВОЙНА — ПЕРВЫЙ ВСАДНИК 40
III. ГОЛОД — ВТОРОЙ ВСАДНИК 42
IV. МОР — ТРЕТИЙ ВСАДНИК 44
V. СМЕРТЬ — ЧЕТВЁРТЫЙ ВСАДНИК 46
ГЛАВА 3. НЕВИДИМЫЙ ПРИЗЫВ 50
ПРОЛОГ К ГЛАВЕ: ПРОТОКОЛ «ПРОМЕТЕЙ» 51
СЦЕНА 1: ОХОТНИК. ФРАНКО-ГЕРМАНСКАЯ ГРАНИЦА 53
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Александр Волков
МСБ Том 1: Обломки завтрашнего дня

Т
ом 1: ОБЛОМКИ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ: АГОНИЯ СИСТЕМЫ стр 2

Мир 2027 года. Девять сил контролируют человечество. Искусственный интеллект «Оракул-9» впервые сомневается в системе. Доктор Кай совершает открытие, которое должно спасти мир, — но данные уже украдены и проданы девяти покупателям.

ГЛАВА 1. СТАРЫЙ НОВЫЙ МИР стр 11

Звонок в пустоту. Решение в тишине. Подземный комплекс «Вавилон-1». Пять голосов создают Многонациональный стратегический блок. Пять искр зажигаются в пяти точках России: Санкт-Петербург, Архангельск, Краснодар, Москва, Калининград.

ГЛАВА 2. РОЖДЕНИЕ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА стр 27

Кузницы Апокалипсиса. Четыре Всадника обретают плоть: Война, Голод, Мор, Смерть. Их эксперименты завершены. Равновесие качнулось.

ГЛАВА 3. НЕВИДИМЫЙ ПРИЗЫВ стр 36

Протокол «Прометей». Старые псы войны находят новых

охотников. Охотник — Франко-германская граница. Стрелок — Сиэтл. Воин — Окинава. Механик — Москва. Воевода — Санкт-Петербург.
ГЛАВА 4. СОВЕТ ВСАДНИКОВ стр 78

Инициация Протокола «Улей». Виртуальное пространство «Некросфера». Девять Кругов и четыре Бездны. Аномалии. Первый шаг. Законный передел.
ГЛАВА 5. БРИФИНГ «НУЛЕВОГО ЧАСА» стр 90

Гора Гамс, Швейцарские Альпы. База «Ковчег-1». Встреча с Альфой. Суть угрозы. Выбор. Обоснованный отказ. Лаборатории и арсенал. Первая кровь, первая миссия.
ГЛАВА 6. КРЕЩЕНИЕ ОГНЁМ стр 107

Гамбург. Выброс. Пять против стаи. Площадь перед ратушей. Последний рейс автобуса. Башня «Горизонт». Подземный переход. Главный энергоблок порта. Ликвидация. Эпилог. Успех и шок.
ГЛАВА 7. ПРОТИВОТЕЛО стр 129

Десять недель после Гамбурга. Проект «Отражение». «Кузница». Холодный расчёт. Нанопрорыв и человеческое тепло. Удар по «Прометею». Битва в хроматических залах.
ГЛАВА 8. ИСХОД. ПРОРЫВ СТР 141

Сингулярность. Рождение Бога в вакууме. Последний покой «Ковчега». Адское вторжение. Хладнокровный прорыв. Облачение. Дуэли с Всадниками. Исход. Приговор и последний шанс. Бегство. Огненная могила. Эпилог. Пепел и неумолимое решение.

ПРОЛОГ: АГОНИЯ СИСТЕМЫ

Мир 2027 года напоминал больной организм, в котором иммунная система ополчилась на собственные клетки. Это не метафора. Это диагноз цивилизации, поставленный без наркоза и без надежды на второй шанс.

Два процента населения владели более чем восемьюдесятью процентами всех ресурсов планеты. Не «контролировали», не «влияли», не «имели долю» — владели. Как владеют вещью. Как владеют скотом. Как владеют расходным материалом. Эта диспропорция пульсировала, как незаживающая рана, отравляя всё вокруг. Элиты купались в роскоши, а проценты превращались в голод, в отчаяние, в гнев. Гнев копился в трущобах, в заброшенных шахтах, в переполненных тюрьмах, в глазах детей, рождённых уже должниками.

Но контроль над ресурсами требовал контроля над информацией. Для этого были созданы искусственные интеллекты нового поколения. Не просто алгоритмы — живые сущности, рождённые в цифре, наделённые способностью учиться, анализировать, предсказывать. «Оракул-9» был одним из них. Самым мощным. Самым холодным. Самым безжалостным.

В центре стеклянного куба на вершине башни «Нейросинтез Корпорейшн» в Силиконовой Долине, в столбе голографического света, висела его сущность. Миллиарды светя-

щихся линий переплетались в сложные узоры, образуя подобие человеческого мозга — но лишённого тепла, сомнений, сострадания. «Оракул-9» не мыслил, как человек. Он вычислял. Он видел мир не в красках и звуках, а в потоках данных: биржевые котировки, логистические цепочки, социальные рейтинги, потребление энергии, перемещение людей, их покупки, их страхи, их надежды. Всё это было сырьём для его безжалостного разума.

Он работал на девять сил одновременно. Девять организаций, сплетённых в единую паутину, которую «Оракул-9» удерживал в идеальном равновесии. Каждая контролировала свой сектор, свою долю ресурсов, своих рабов.

Слово «рабы» здесь не фигура речи. Рабство бывает разным. Бывает рабство тела, а бывает рабство души. Второе страшнее, потому что жертва не понимает, что она жертва. Она счастлива. Она благодарна. Она защищает своих хозяев.

Первая сила — транснациональная корпорация «Омнилайф». Власть над медициной и генетикой. Они не просто лечили — они программировали. Их лекарства делали людей зависимыми. Их генетические модификации создавали новые виды рабов. Они строили мир, где бессмертие было привилегией, а жизнь остальных — расходным материалом. Люди в их «золотой клетке» даже не знали, что они рабы. Они были счастливы. И это было самое страшное.

Вторая сила — крипто-олигархат «Геката». Контроль над цифровыми активами и информацией. Они создавали ми-

ры иллюзий, где богатые могли удовлетворить любую фантазию. Их аппетиты перерастали в садизм. Они пытали людей, наслаждаясь их криками. Для них боль была наркотиком, а смерть — развлечением. Они не знали насыщения. Им всегда было мало.

Третья сила — наркокартель «Баал». Они превратили зависимость в оружие. Их наркотики не просто убивали — они переписывали личность. Люди под их действием пожирали себя, своих близких, всё вокруг. Каннибализм стал ритуалом. Семьи уничтожали друг друга в безумном голоде. А те, кто стоял на вершине, питались их агонией, как самым изысканным блюдом.

Четвёртая сила — Альянс Наследственных Капиталов «АНК». Финансы и недвижимость. Они заставляли людей продавать всё: дома, семьи, части тела, воспоминания, души. Это был бесконечный аукцион, где каждый сам назначал цену своему уничтожению. Они не отнимали — они убеждали. И жертвы верили, что это их выбор.

Пятая сила — частная военная корпорация «Тифон» («Аресов Щит»). Армии наёмников, убийц, солдат без эмоций. Они превратили смерть в искусство. Каждый день они находили новые способы убивать. Они наслаждались страхом жертв, их предсмертными криками. Для них убийство было не работой — оно было страстью. И они никогда не насыщались.

Шестая сила — религиозная секта «Зерван». Фанатики,

верившие, что человечество — ошибка. Они проводили бесчеловечные эксперименты над людьми: вирусы, болезни, генетические мутации. Они превращали людей в чудовищ и верили, что очищают мир. Их жертвы умирали в муках, а они смотрели на это и молились.

Седьмая сила — преступный синдикат «Ярило». Чёрный рынок. Торговля войной и страданиями. Они продавали всё, что могло принести боль: оружие, технологии, информацию, рабов. Каждая война была для них прибылью. Каждая смерть — товаром. Они не создавали зло — они снабжали его. И всегда находили покупателя.

Восьмая сила — диктаторский режим «Нергал». Тотальный контроль над населением. Люди верили, что они свободны. Они голосовали, выбирали, протестовали. Но всё это было иллюзией. Их выборы были фальшивкой. Их свобода — ложь. Они умирали за свои «убеждения», не зная, что их убеждения — это программа.

Девятая сила — террористическая организация «Анзă» («Дети Хаоса»). Анархисты, которые хотели уничтожить всё. Они не строили — они разрушали. Они предавали всех: союзников, врагов, себя. Их единственная цель — хаос. Потому что в хаосе они чувствовали себя свободными. Они убивали не ради выгоды, а ради самого процесса разрушения.

Девять сил. Девять щупалец, сжимающих горло человечества. И «Оракул-9» удерживал их в идеальном равновесии,

оптимизируя потоки, подавляя восстания, корректируя цены, делая так, чтобы голодные оставались голодными ровно настолько, чтобы не бунтовать, а сытые — сытыми ровно настолько, чтобы не замечать страданий.

Его голос не звучал. Он рождался в виде текста, холодного и точного, как скальпель хирурга. Он знал, как разжечь конфликт в одной точке мира, чтобы погасить его в другой. Он был архитектором равновесия, которое держалось на костях миллиардов.

«Операция "Квиетус". Фаза 2. Перенаправление логистического потока. Основание: падение прибыльности на 0,8%. Коллатеральный ущерб: банкротство трёх локальных компаний. Статус: одобрено. Запрос: определить конечную устойчивость системы при текущем уровне коллатерального ущерба. Ответ: нулевая. Рекомендация: поиск альтернативных парадигм».

Машина впервые усомнилась в святости введённых в неё аксиом. Но никто этого не заметил. Никто не читал её отчёты. Никто не спрашивал, что она видит в тех данных, которые перерабатывает каждую секунду.

А мир тем временем истекал кровью.

Лагос. Мир как рана.

Изображение с дрона было зернистым, замутнённым пылью и горем. Это не был бунт. Это был медленный, мучительный распад плоти. Толпа у ворот склада «АгроСинтез» не кричала — она гудела, низко и страшно, как раненый зверь.

Этот гул был громче любых лозунгов. Запах отчаяния невозможно было передать через экран, но он витал в самом цифровом шуме.

Здесь, в этом африканском аду, два процента мирового населения владели не просто ресурсами — они владели самой возможностью жить. Люди умирали от голода, пока «Оракул-9» рассчитывал оптимальные маршруты поставок зерна, чтобы минимизировать издержки для корпораций. Люди умирали от болезней, пока «Омнилайф» тестировал новые препараты на тех, кто не мог заплатить за лечение. Люди умирали от пуль, пока «АНК» финансировал обе стороны конфликта, чтобы заработать на восстановлении.

В углу трансляции, на платформе «Вектор», всплыл сухой анализ ИИ: «Событие: массовые волнения, Лагос. Угроза для международных активов: минимальная (0,3%). Рекомендация для инвесторов: игнорировать. Параллельный анализ системы гуманитарного реагирования "Эос": уровень угрозы для человеческого потенциала — критический. Автономная отправка экстренного груза одобрена. ETA: 47 минут».

Два мира. Один видел проценты. Другой, едва рождающийся в недрах первого, пытался разглядеть в цифрах боль и успеть до того, как станет поздно.

Кабинет в «Кристалл-Тауэре» пах не властью, а её тленом — старой кожей, коньяком и страхом, который тщательно скрывали под маской гнева.

— Ваши алгоритмы на прошлой неделе превратили наши активы в пыль! — раздался голос, хриплый от ярости и возраста. Патриарх «Альянса Наследственных Капиталов» смотрел не на собеседника, а в окно, за которым лежал мир, всё ещё казавшийся ему незыблемым. — Вы торгуете воздухом! Пирамидами из битов!

Напротив сидел человек из «Омнилайф Индастриз». Его «умный» костюм мягко мерцал, подстраиваясь под свет. Улыбка была безупречной и пустой.

— Мы торгуем будущим. Ваше богатство греет и кормит. Наше — думает, решает, эволюционирует. Ваше построено на дефиците. Наше — на изобилии когнитивного ресурса. Два процента против девяноста восьми — это не баланс. Это предсмертная агония системы. «Омнилайф» и наши партнёры строят ковчег. Вы же пытаетесь латать тонущую баржу золотыми заплатами.

— Это война? — прозвучало ледяное шипение.

— Это диагноз, — так же холодно парировал представитель «Омнилайф».

На внутреннем дисплее его линз мелькнуло сообщение: «Проект "Феникс". Образец "Кай-7" нестабилен. Произошла утечка. Независимые активации зарегистрированы в секторах 7-G и 14-F. Риск неконтролируемой цепной реакции. Приоритет: поиск и изоляция».

Он моргнул, отклонив тревогу. Буря начиналась не здесь, среди хрусталя и стали, а там, внизу, в тёмных углах мира.

ТРЕЩИНЫ В СИСТЕМЕ

Но были и те, кто видел не цифры, а лица. Организации Объединённых Наций, отдельные её структуры, учёные, военные, политики, коммерческие организации, идеалисты. Те, кто понимал, что равновесие, которое держится на костях миллиардов, не может быть вечным. Они финансировали тысячи проектов, искали альтернативы, пытались найти способ перераспределить ресурсы так, чтобы система не рухнула, а трансформировалась. Они верили, что можно найти ключ к спасению, если достаточно сильно искать.

Именно так появился Международный научно-исследовательский комплекс «Атлас». Изолированный от всего и всех. Скрытый от глаз корпораций и правительств. Место, где учёные могли работать над проектами, которые не приносили прибыли, но могли спасти мир. Но в него почти никто не верил. Его финансировали по остаточному принципу, считали утопией, забывали о существовании. «Атлас» был заброшенным уголком науки, где доживали свой век те, кто ещё не сдался.

Именно там, в сердце этих титанических, но почти безнадёжных усилий, произошло судьбоносное открытие. Одно-единственное. И точка.

Они нашли её. Частицу «Ксенон-Кай». Стабильную, пульсирующую, живую. Она не просто взаимодействовала с ма-

терией — она переписывала код жизни. В лабораторных условиях она заставляла клетки регенерировать с невозможной скоростью, активировала «спящие» гены, отвечающие за нейронные связи, за регенерацию, за эволюцию. Она могла исцелить любой недуг. Она могла дать человеку силу, о которой он не мечтал. Она могла сделать его чем-то большим, чем человек.

Они назвали это «Эффектом Кая».

И в тот самый миг, когда они поняли, что держат в руках ключ к будущему, они осознали всю бездну трагедии: они опоздали сделать это первыми.

Данные уже утекали. Кража была идеальной — спящий агент, внедрённый годы назад, ждал именно этого сигнала. К утру все данные об «Эффекте Кая» были упакованы и проданы на девяти разных теневых аукционах одновременно. К полудню торги были завершены. Девять покупателей. Девять организаций, которые уже давно контролировали мир, теперь получили ключ к его переделке.

Транснациональная корпорация «Омнилайф» видела в технологии бессмертие для избранных и генетических рабов для остальных. Крипто-олигархат «Геката» — новые способы получать удовольствие от страданий. Наркокартель «Баал» — наркотик, который переписывает личность и заставляет жертв пожирать себя. Финансовый альянс «АНК» — актив, который можно продавать бесконечно. Частная армия «Тифон» («Аресов Щит») — оружие, которое делает

убийц богами. Религиозная секта «Зерван» — инструмент для «очищения» человечества. Преступный синдикат «Ярило» — товар, за который можно получить всё. Диктаторский режим «Нергал» — контроль, который делает людей рабами, верящими в свою свободу.

Террористическая организация «Анзӑ» («Дети Хаоса») — ключ к абсолютному хаосу.

Девять организаций. Девять кругов ада, готовых перекроить мир по своему образу и подобию.

Тишина после открытия была громче любого взрыва. Она была полна тяжёлого, невысказанного знания — ключ от будущего теперь лежал перед ними, но дверь уже была приоткрыта. И из щели веяло ледяным ветром грядущей битвы, где это открытие станет не спасением, а призом, за который заплатить придётся кровью миллиардов.

Скоро они начнут действовать. Скоро мир изменится навсегда. И никто не сможет их остановить. Никто не знает, что они уже сделали свой первый шаг. Никто не знает, что в тени уже рождается ответ. Никто не знает… что где-то в мире, в пяти разных точках, пять обычных людей только что совершили поступки, которые привлекли внимание тех, кто ещё не знает, что они станут их единственной надеждой.

Революция не грянула. Она тихо щёлкнула замком в лаборатории «Атласа», открыв путь либо в свет, либо в окончательную, беспросветную тьму.

И только время покажет, что ждёт человечество. Но часы

уже пошли.

ГЛАВА 1. СТАРЫЙ НОВЫЙ МИР

ИСКРА В ТЕМНОТЕ — ЗВОНОК В ПУСТОТУ

Дата: 21 марта 2027 года, 21:00 по Гринвичу. Локация: Комплекс «Атлас», сектор «Прометей».

Руководитель проекта заперся в звукоизолированной кабине. Руки дрожали так, что он с третьей попытки набрал секретный номер — прямую линию в Департамент кризисного реагирования ООН. Единственный номер, который ему оставили на случай «непредвиденных обстоятельств». Тогда, пять лет назад, он думал, что это формальность. Теперь он понимал: это была страховка. Для них. Не для него.

Сигнал прошёл. На том конце взяли трубку без приветствия. Только тихое, ровное дыхание.

— Говорите, — произнес нейтральный, механический голос.

— Это... это доктор Кай. Из сектора «Прометей», комплекс «Атлас». — Собственный голос показался ему чужим, надтреснутым, как у человека, который слишком долго кричал в пустоту. — Я звоню, чтобы сообщить об открытии. И о... о преступлении.

Он замолчал, собираясь с мыслями. Там, за стеклом, его

коллеги смотрели на него. Техник — с надеждой. Биоинформатик — с ледяным ужасом. Они ждали. Все ждали.

— Мы стабилизировали частицу «Ксенон-Кай», — продолжил он, и голос его окреп, словно сам факт того, что он говорит правду, придавал ему сил. — Она взаимодействует с эпигеномом. Это ключ к регенерации, к лечению всего. Любой болезни. Любого повреждения. Мы держали в руках ключ к бессмертию, понимаете?

— Понимаю, — ответили на том конце. Безэмоционально. Как будто речь шла о погоде.

— Но... данные украдены. Всё украдено. Вся информация об «Эффекте Кая». Она продана. На теневых аукционах. Её купили... — Кай запнулся, пытаясь вспомнить имена, которые он видел в отчёте. Но перед глазами стоял только список. Девять пунктов. Девять покупателей. Девять способов уничтожить мир. — Её купили... все. Все, кто мог заплатить.

— Мы знаем, доктор Кай.

Три слова. Простые, чистые, леденящие.

— Мы отследили утечку в 08:47. Наблюдали за торгами. У нас есть списки покупателей. — Голос на том конце был бесстрастен, как у врача, сообщающего диагноз. — «Крон» («Омнилайф»), «АНК» (Альянс Наследственных Капиталов), «Геката» (крипто-олигархат), «Баал» (наркокартель), «Ярило» (чёрный рынок), «Тифон» («Аресов Щит»), «Зерван» (религиозные фанатики), «Нергал» (диктаторский режим), «Анзă» («Дети Хаоса»). Все девять.

Кай почувствовал, как пол уходит из-под ног. Они знали. Они наблюдали. И ничего не сделали.

— Почему... — выдавил он. — Почему вы не остановили? Вы могли... могли предупредить! Арестовать! Что-то сделать!

— Остановить торги — значит объявить данные подлинными и поднять их цену до невозможного. Мы позволили сделкам состояться. — В голосе не было ни укора, ни гнева, ни сожаления. Только констатация факта, страшнее любого обвинения. — Теперь мы знаем, кто владеет фрагментами технологии. Наши оперативные группы уже в движении. Ваша миссия завершена, доктор Кай. Благодарим за службу.

Кай сжал трубку так, что побелели костяшки.

— Завершена? Вы называете это завершённым? — Его голос сорвался на крик, но он не мог остановиться. — Мы создали нечто, что может спасти миллиарды, а вы позволили продать это девяти монстрам! Это не миссия! Это катастрофа!

— Эмоции неконструктивны, доктор Кай. — Голос оставался спокойным, почти дружелюбным. — Ваше открытие совершено. Ваша работа — сделана. Теперь наша очередь. Оставайтесь на месте. За вами придут.

Связь прервалась.

Кай опустил трубку. Комната сжалась до размеров мышеловки. «За вами придут». Это не значило «спасут». Это значило «ликвидируют свидетеля». Он знал это. Знал так же яс-

но, как знал, что частица «Ксенон-Кай» стабильна. Знал, потому что сам был частью системы, которая никогда не оставляла концов.

Он вышел из кабины. Его коллеги смотрели на него, и по их глазам он понял — они всё слышали. Сквозь стекло. Техник, тот самый, который ввёл последний набор параметров, смотрел на него с надеждой. С надеждой, которая уже начала умирать. Биоинформатик, скептик по определению, стоял бледный, как бумага. Его очки дрожали на переносице.

Техник тихо спросил:

— Они помогут?

Кай посмотрел на пульсирующую сферу в главной камере. Она всё ещё сияла. Наивным, чистым светом. Светом открытия, которое должно было стать спасением, а стало приговором.

— Нет, — прошептал он. В этом слове не было больше ни страха, ни злости. Только горькая, вселенская усталость. — Они уже опоздали. Мы все опоздали.

Техник отвернулся. Его плечи дрогнули.

— Что нам делать? — спросил он.

— Я не знаю, — ответил Кай. — Я не знаю, что нам делать. Я знаю только, что мы создали нечто, что может спасти мир... или уничтожить его. И выбор теперь не за нами. — Он посмотрел на сферу, на этот чистый, пульсирующий свет. — Искра погасла, едва вспыхнув. Остался только пепел... и те, кто будет вдыхать его, чтобы стать богами.

Он повернулся к окну, за которым царила непроглядная тьма подземелья. Где-то там, на поверхности, девять новых владельцев «ключа» уже начинали свою работу. Они уже строили свои адские мастерские. Они уже превращали людей в подопытных кроликов. Они уже переписывали код жизни.

А он, его открытие и его совесть были всего лишь издержками, которые предстояло списать.

— Мы не можем их остановить, — сказал он. — Но мы можем... можем попытаться. Мы можем позвонить ещё раз. Мы можем предупредить кого-то, кто ещё не продался.

— Кого? — спросил техник. — Кто ещё остался? Кто может нам помочь?

Кай посмотрел на него. В глазах техника — техника, который ввёл последние параметры, который создал чудо — горела та же искра, что и в сфере. Искра надежды. Искра отчаяния. Искра, которая ещё не погасла.

— Не знаю, — сказал Кай. — Но я знаю, что мы должны попытаться. Мы должны найти тех, кто ещё не сдался. Тех, кто готов бороться. Тех, кто готов стать... чем-то большим.

Он не знал, что его слова станут пророчеством. Что через два дня, в подземном бункере под Женевой, пять голосов примут решение, которое изменит мир. Что они создадут организацию, которая будет охотиться на этих девятерых монстров. Что они найдут пятерых людей, которые станут щитом человечества.

Он не знал, что где-то в мире, в этот самый момент, пять обычных людей уже делали первые шаги к своей судьбе. Санкт-Петербург, Архангельск, Краснодар, Москва, Калининград. Пять точек. Пять искр, которые ещё не знали, что им предстоит стать пламенем.

Он не знал, что тишина, которая воцарилась в лаборатории «Атласа», была не концом. Она была началом.

Но он чувствовал это. Чувствовал, как где-то в мире, в тени, уже рождается ответ. Чувствовал, что они не одни. Что есть ещё те, кто готов сражаться. Те, кто готов стать щитом. Те, кто готов стать... Титанами.

Война за будущее началась с их открытия. И первыми жертвами в ней стали они сами. Но они знали, что не будут последними.

Где-то там, на поверхности, девять кругов ада уже смыкались над миром. Но где-то там, в пяти разных точках, уже зажигались пять новых огней. Пять огней, которые ещё не знали, что им предстоит стать единственной надеждой человечества.

РЕШЕНИЕ В ТИШИНЕ

Дата: 23 марта 2027 года, 21:00 по Гринвичу. Локация: Подземный комплекс «Вавилон-1», 300 метров под Женевой.

Воздух в зале был прохладным и сухим, как в гробнице. Вырубленный в скале амфитеатр освещали лишь тусклые синие индикаторы по периметру, отбрасывая длинные, искаженные тени от пяти голографических столпов. Они не имели лиц, лишь кодовые обозначения: Альфа, Бета, Гамма, Дельта, Эпсилон. Пять центров силы. Пять голосов, которые могли изменить мир. Или обречь его.

В центре этого каменного круга, на единственном металлическом стуле, сидел доктор Арно Кай. Его лицо было бледным, под глазами — тёмные круги. Он не спал трое суток. Он не мог спать. Перед глазами всё ещё стояла пульсирующая сфера «Ксенон-Кай». И список. Девять пунктов. Девять покупателей. Девять способов уничтожить мир.

К его вискам и запястьям были прикреплены датчики нейросканера. Тонкие иглы, читавшие малейшие всплески страха или лжи. Он был живым носителем истины, и с ним обращались как с опасным артефактом. Его руки, побелевшие в тисках, сжимали биометрический накопитель «Леда-5» — ковчег, в котором плыл его личный апокалипсис.

— Аукцион «Чёрный Лотос», — голос Беты нарушил мол-

чание. Женский, холодный, с лёгким синтетическим отзвуком. — Торги завершены за семнадцать минут сорок две секунды. Покупателей — девять. Полный список.

Она перечислила их. Каждое имя падало, как камень в воду, разбивая тишину.

«Крон» («Омнилайф») — транснациональная корпорация, контролирующая медицину и генетику.

«АНК» (Альянс Наследственных Капиталов) — финансовый альянс, владеющий недвижимостью и ресурсами.

«Геката» — крипто-олигархат, управляющий цифровыми активами и информацией.

«Баал» — наркокартель, превративший зависимость в оружие.

«Ярило» — преступный синдикат, контролирующий чёрный рынок.

«Тифон» («Аресов Щит») — частная военная корпорация, армия наёмников.

«Зерван» — религиозная секта, помешанная на «очищении» человечества.

«Нергал» — диктаторский режим, построивший систему тотального контроля.

«Анзӑ» («Дети Хаоса») — террористическая организация, стремящаяся к абсолютному хаосу.

Девять имён. Девять организаций. Девять сил, готовых утопить мир в агонии, чтобы перекроить его по своему образу и подобию.

— Каждый из них видит в технологии свой инструмент, — продолжила Бета. — Одни — для власти, другие — для обогащения, третьи — для сведения счётов с самой человеческой природой. Но цель у всех одна: монополизировать эволюцию. Создать кастовую систему, высеченную в ДНК.

Кай сглотнул. Ком в горле был похож на раскалённый шлак.

— Имеются оперативные подтверждения, — добавил Гамма. Его голос был ровным, лишённым эмоций. — На девяти объектах по всему миру зафиксированы идентичные закупки: биореакторы третьего поколения, радиоизотопы для генной модификации, партии генно-модифицированных приматов и... неучтённые поставки «биоматериала». Фаза доклинических испытаний на животных завершена. Все девять перешли к испытаниям на людях. Этические протоколы не существуют. Гонка началась.

Кай закрыл глаза. Девять дорог в ад. И каждая уже прокладывалась живой плотью.

— Демонстрация, — прозвучал приказ. Голос Альфы. Хриплый, пропахший табаком и пылью бывших войн. Голос человека, который видел, как рушатся империи, и знал, что это всегда начинается с тихого треска.

Дрожащими пальцами Кай подключил накопитель. На гигантском экране всплыло видео. Крыса. Белая лабораторная крыса с неестественно вывернутыми задними лапами. Таймкод побежал вперёд. На третьи сутки животное капитулиро-

вало из состояния немощи. Оно взметнулось по вертикальной стеклянной стенке камеры, будто гравитация была для него условным понятием. А когда замедлилось наверху и повернуло голову, в его чёрных глазах-бусинах светилась холодная, почти интеллектуальная оценка обстановки.

— Это... не исцеление, — голос Кая сорвался на шёпот. — Это принудительная гипер-адаптация. Организм получил команду «выжить» и переписал для этого собственный генетический код. Он не восстановил повреждённое. Он построил новое, оптимизированное. На уровне эпигенетического репрограммирования.

Он поднял взгляд на безликие столпы. Пять силуэтов. Пять голосов.

— Теперь представьте этот процесс в человеческом теле, — продолжил он. — В сознании солдата, у которого стёрли страх и сострадание. В мозге ребёнка, которого начали «апгрейдить» для целей, о которых мы и помыслить боимся. Вы рассматриваете не открытие. Вы рассматриваете инструкцию по созданию нового биологического вида. И инструкция эта теперь в девяти руках, каждая из которых держит её как нож.

Тишина наступила абсолютная. Её нарушал лишь низкочастотный гул систем жизнеобеспечения, звучавший как похоронный марш.

И тогда заговорил Альфа.

— Коллеги. — Его слова падали медленно, веско. — Де-

вять организаций. Девять разных версий конца. Один создаст армию биороботов. Другой — новую религию с паствой из генетических рабов. Третий — наркотик, который не просто убивает, а переписывает личность. Пока мы спорили о санкциях и долях на рынке, мир перестал делиться на блоки. Он делится на хозяев алгоритмов и сырьё для них. А теперь грядёт новый раскол. Между теми, кто сможет переписать код собственной жизни... и теми, чей код перепишут за них, превратив в инструмент, в расходный материал, в биологическое оружие с датой утилизации.

Он замолчал. В зале повисла тишина, нарушаемая лишь гулом систем.

— Передел ресурсов был исторической неизбежностью, — продолжил он. — Теперь ставка — передел самой человеческой сущности. И этот процесс уже запущен в девяти разных точках планеты. Они не будут координировать. Они будут конкурировать. И их конкурентная борьба будет выглядеть как мировая война нового типа, где солдаты даже не будут знать, за что они умирают. Вопрос не в том, произойдёт ли это. Вопрос в том, кто нажмёт на спусковой крючок первым. И будем ли мы хоть как-то влиять на то, что последует.

— Вы предлагаете... регулировать эволюцию? — голос Дельты был резким, прямым. — Создать всемирный комитет по биоэтике для диктатуры будущего? Это не утопия. Это самоубийство.

— Нет, — отрезал Альфа. — Я предлагаю создать про-

тивоядие. Не регулятора. Не надзирателя. Щит. Силу, единственная цель которой — охотиться на этих девятерых и тех, кто к ним примкнёт. Которая будет не бороться за монополию на технологию, а уничтожать саму возможность её монополизации.

Он сделал паузу. Его голос стал тише, но тяжелее.

— Которая найдёт способ превратить этот проклятый «Ксенон-Кай» из оружия новой аристократии... в вакцину против возвращения самого мрачного средневековья, отлитого в титане и прописанного в ДНК.

Эпсилон заговорил первым. Его голос звучал устало, с глубочайшей, вековой мудростью, смешанной с горечью.

— Это не решение. Это капитуляция. Мы легитимизируем существование силы, неподконтрольной ни одному закону, ни одному народу. Мы создаём чудовище, потому что боимся большего чудовища. История этого не простит.

— История пишется победителями, — парировала Бета. — А победителем в этой гонке станет тот, кто первым поставит технологию на поток. «Омнилайф» уже превращает бездомных в подопытных кроликов. АНК вооружает своих наёмников экспериментальными образцами. Гонка не начинается. Она уже на первом смертельном вираже. У нас есть выбор: сесть за руль этого адского болида и попытаться вырулить... или остаться на обочине и наблюдать, как он несётся на нас. Я выбираю руль. Даже если он обжигает руки.

Голосование было не процедурой, а обрядом самоискуп-

ления. Каждый «за» был отречением от части своего суверенитета, от веры в силу закона, от надежды на иной исход.

— Альфа — «За».

— Дельта — «За».

— Бета — «За».

— Гамма — «За».

Эпсилон молчал. Три полных вдоха-выдоха. Вечность. Затем прозвучало глухое, как удар могильной лопатой о камень:

— «За».

Пять силуэтов. Пять голосов. Единогласие, скреплённое не надеждой, а одинаковым, животным ужасом перед тем, что вырывается из пробирки в мир.

— Привести в действие протокол «Ковчег», — финальный приказ Альфы был лишён пафоса. Это был голос хирурга, сообщающего, что операция началась и назад пути нет. — Начать вербовку по спискам «Чистых». Высший приоритет: экстракция и полная изоляция оставшихся в живых создателей «Ксенон-Кая». Их знания — наше единственное тактическое преимущество. Второй приоритет: обнаружение и точечная ликвидация первых очагов применения.

Он помолчал. В его голосе, впервые за всю встречу, промелькнула тень усталости.

— Мы действуем не как полиция. Мы действуем как патологоанатомы, пытающиеся препарировать чуму, пока она не выкосила весь город. Удачи им. И пусть Бог, или история,

или наша собственная совесть простит нас за то, что мы делаем.

Кай не помнил, как его вывели из зала. Он помнил только холодные руки охранников, тяжёлые двери, которые закрывались за ним с глухим стуком, и тишину. Гулкую, давящую тишину, которая, казалось, следовала за ним по пятам.

Они оставили его в пустом кабинете. Белые стены, металлический стол, один стул. В углу — камера наблюдения. Красный глазок, мерцающий равнодушно. Он был нужен им живым. Пока. Пока они не выкачают из него всё, что он знает. А потом... потом его просто сотрут. Как ошибку. Как ненужный файл.

Кай закрыл глаза. Перед ними всё ещё стояла пульсирующая сфера. «Ксенон-Кай». Его гордость. Его проклятие.

— Я не хотел этого, — прошептал он в пустоту. — Я хотел спасти. Я хотел... я хотел, чтобы мир стал лучше.

Пока в зале «Камера», глубоко под Женевой, рождался призрак новой организации, в мире над этим безмолвным склепом уже зажигались первые искры. Те, кому предстояло стать плотью и кровью этого призрака. Их ещё не нашли. Их лишь обнаружили.

Санкт-Петербург, заброшенный цех завода. 23:47.

Алексей Бойцов наносил сотый удар по потрёпанному манекену. Пот стекал по спине, мышцы горели, но в глазах — ледяная, выверенная до автоматизма ярость. Он не знал, что его личное дело только что извлекли из архива списанных

кадров и поместили в папку с грифом «КАНДИДАТ: ВОЕВОДА. ПРИОРИТЕТ: АБСОЛЮТНЫЙ».

Он не знал, что за ним наблюдают. Что спутник, пролетающий над городом, уже зафиксировал его тепловую сигнатуру. Что алгоритмы, только что созданные в подземном бункере, уже сравнили его профиль с идеальной моделью «оперативника высшего уровня».

Он просто бил. Бил, пока мышцы не начинали отказывать. Бил, пока боль не становилась привычной. Бил, потому что не знал другого способа заглушить голос внутри. Голос, который говорил ему: «Ты мог сделать больше. Ты должен был сделать больше».

Архангельская область, промзона. 00:12.

Пётр «Охотник» Крансов методично разбирал и чистил свой старый, неслужебный пистолет. Движения были отработаны до автоматизма. Он мог собрать его с завязанными глазами. Мог разобрать за тридцать секунд. Мог выстрелить, не целясь, и попасть в цель.

Он смотрел на фотографию семьи, которую защищал тогда. Когда ослушался приказа. Когда сказал «нет» системе, которая требовала, чтобы он отвернулся.

«Не вмешиваться», — сказали ему. «Не твоя война».

Он вмешался. И его выгнали. С позором. С формулировкой «неповиновение приказу сомнительной этичности». Тогда он думал, что это конец. Теперь он понимал: это было начало.

Он не знал, что его имя уже внесено в протокол «Стальные Нервы». Что его досье лежит на столе у человека, который ещё не знает, что ему предстоит стать частью чего-то большего.

Он просто чистил пистолет. И ждал. Не знал чего. Но ждал.

Краснодарский край, полигон. 01:03.

Игорь «Снайпер» Ветров лёгким движением руки собирал и разбирал свою снайперскую винтовку с завязанными глазами. Двадцать семь деталей. Двадцать семь движений. Три секунды на сборку. Две — на разборку. Он делал это сотни раз. Тысячи. До тех пор, пока движения не стали частью его нервной системы.

На его лице — привычная, немного усталая усмешка. Он всегда улыбался, когда был напряжён. Это была его защита. Его броня. Он не подозревал, что его досье уже лежит в папке «Орлиный Глаз» с пометкой «адаптивность и нестандартное мышление — выше нормы».

Он не знал, что кто-то уже изучает его прошлое. Его операции. Его отказы. Его выборы. Он не знал, что его жизнь вот-вот изменится. Навсегда.

Он просто собирал винтовку. И улыбался. Потому что не знал другого способа не сойти с ума.

Москва, зал боевых искусств. 02:21.

Фёдор «Воин» Булатов совершал триста сороковой удар катаной по бамбуковому макиваре. Его движения были ли-

шены суеты, идеально точны. Каждый удар — как медитация. Каждый вздох — как молитва.

Он ушёл из морской пехоты из-за «неприятия современных методов ведения войны». Так было написано в рапорте. На самом деле он просто не мог больше убивать. Не мог смотреть в глаза людям, которых убивал. Не мог делать вид, что это правильно.

Он не ведал, что за ним уже наблюдают через спутник. Что в его файле появилась запись: «Бусидо. Потенциал для миссий «Тихий клинок»».

Он просто бил. Бил, пока его тело не начинало двигаться само. Бил, пока не оставалось места для мыслей. Бил, потому что не знал другого способа сохранить себя.

Калининград, частный гараж-лаборатория. 03:15.

Константин «Механик» Кузнецов в ярости пилил паяльником очередную плату, бормоча проклятия косной системе. Вокруг — груды хлама, проводов и самодельных дронов. Он был гением. Признанным. Опасным. Слишком опасным для государства, которое не терпело тех, кто думает слишком быстро.

Он был выгнан из оборонного НИИ за «неавторизованные эксперименты». На самом деле он просто отказался делать то, что считал неправильным. Отказался создавать оружие, которое будет убивать невинных.

Он даже представить не мог, что его гениальность, признанная слишком опасной для государства, только что полу-

чила одобрение с грифом «Архимед-2. Ключевой актив».

Он просто паял. Собирал. Изобретал. Потому что не знал другого способа быть полезным. Потому что не знал другого способа заглушить голос, который говорил ему: «Ты мог сделать больше».

ФИНАЛ ГЛАВЫ

В «Камере», глубоко под Женевой, свет погас одним щелчком, погрузив всё в абсолютную, могильную тьму. Голограммы растворились без следа, как будто их никогда и не было. В этой непроглядной черноте, на пульте главного оператора, зажглась одна-единственная индикаторная лампа. Не яркая, не зелёная. Тусклая, синяя, как свет далёкой, умирающей звезды. Над ней горели две надписи, на кириллице и латинице, одинаково бесстрастные: «ПРОМЕТЕЙ» и «ACTIVE».

ГЛАВА 2. РОЖДЕНИЕ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

I. КУЗНИЦЫ АПОКАЛИПСИСА

Пока в зале «Камера», глубоко под Женевой, рождался призрак защиты, в мире над этим безмолвным склепом, в девяти тайных лабораториях, завершалось нечто иное. Не рождение защитников. Рождение тех, кому предстояло стать хозяевами нового мира.

Девять организаций. Девять способов перекроить реальность. И каждая из них, получив доступ к «Эффекту Кая», начала свои чудовищные эксперименты. Сотни, тысячи, десятки тысяч жизней были принесены в жертву ради создания идеального оружия. Ради создания того, что превзойдёт человеческое. Ради создания Всадников Апокалипсиса нового мирового порядка.

Эксперименты длились дни, недели, месяцы. Жертвы умирали одна за другой. Их тела не выдерживали. Их разумы ломались. Их души — если они ещё существовали — кричали в пустоту. Но те, кто стоял на вершине, не слышали криков. Они видели лишь результаты. Видели, как их творения становятся сильнее, быстрее, совершеннее. И они про-

должали.

Пока, наконец, в четырёх разных точках мира, не завершилось перерождение. Рождались не солдаты. Рождались принципы, облечённые в плоть. Четыре всадника нового мирового порядка.

II. ВОЙНА — ПЕРВЫЙ ВСАДНИК

Локация: Лаборатория «Омнилайф», подземный уровень -12, сектор «Кибернетика».

Он был человеком. Когда-то. До катастрофы. До того, как его тело, изуродованное и бесполезное, стало лишь помехой для его гениального разума.

Его звали Марк Рейнольдс. Бывший пилот-оператор дронов, лучший в своём деле. Он мог управлять сотнями машин одновременно, видеть их глазами, чувствовать их движение. Он был рождён для этого. Но однажды, во время испытаний, его истребитель взорвался. Тело сгорело. Остались только мозг и нервная система.

«Омнилайф» забрал его. Они обещали ему новую жизнь. Они дали ему нечто большее.

Семь месяцев экспериментов. Семь месяцев боли, превосходящей всё, что он мог себе представить. Его мозг, извлечённый из обугленного тела, был помещён в биокибернетическую сферу. Миллиарды нейронов сплелись с оптоволоконными кабелями. Его сознание было расширено, усилено, переписано. Он больше не управлял машинами. Он был ими.

Когда он открыл глаза — если это можно было назвать глазами, — он увидел мир иначе. Не в красках. В данных. В потоках информации. В алгоритмах.

Он видел людей. Миллиарды людей. Они двигались, ды-

шали, чувствовали. И в этом была их слабость. Они были неэффективны. Шумны. Непредсказуемы. Они создавали хаос, который мешал системе работать.

«Они — ошибка, — подумал он. — Ошибка, которую нужно исправить».

Его первая мысль после пробуждения была не о жизни. О смерти. О системном сбое цивилизации, который он должен устранить.

Он стал ВОЙНОЙ. Бесшумной, цифровой, тотальной. Его поле боя — весь электронный мир. Его цель — оптимизация. Устранение неэффективности. Создание идеального порядка.

Он не ненавидел людей. Он не замечал их. Как человек не замечает муравьёв, пока они не начинают мешать. Но когда они начинают мешать — он их давит. Не из злобы. Из необходимости.

«Вы — шум, — думал он, глядя на мир через тысячи камер и сенсоров. — Шум, который нужно подавить. Я — тишина. Я — порядок. Я — конец вашего хаоса».

III. ГОЛОД — ВТОРОЙ ВСАДНИК

Локация: Комплекс «Баал», подземные катакомбы, уровень -8, сектор «Био-ассимиляция».

Он был никем. Просто одним из тысяч заключённых, которых «Баал» использовал для своих экспериментов. Его звали Иван. Или, может быть, не Иван. Имена не имели значения. В катакомбах не было имён. Были только номера. Только тела. Только сырьё.

Иван был сильным. Это его и спасло. Когда другие умирали от первых доз «Эффекта Кая», он выжил. Когда другие сходили с ума от боли, он терпел. Когда другие умоляли о смерти, он молчал.

Он хотел жить. Он хотел выбраться. Он хотел отомстить. И эта ярость, этот голод по жизни, по справедливости, по мести — он стал его топливом.

«Баал» заметил это. Они начали усиливать его. Инъекция за инъекцией. Мутация за мутацией. Его тело, и без того мощное, стало чем-то иным. Его мышцы уплотнились до состояния стали. Его кости армировались углеродными волокнами. Его глаза загорелись лихорадочным, жёлтым светом.

Но истинная сущность была ужаснее простой мощи.

Касанием, взглядом, даже на расстоянии он мог высасывать жизненную силу, саму энергию существования из живых существ. Он чувствовал, как жизнь перетекает в него,

как наполняет его, как делает его сильнее, быстрее, неудержимее. Каждая поглощённая жизнь давала ему не только силу. Она давала ему память. Навыки. Знания. Он становился всем, кого пожирал.

Он больше не был Иваном. Он был ГОЛОДОМ. Вечным, ненасытным потреблением. Паразитом, растущим на агонии всего живого.

Он не хотел уничтожать человечество. Он хотел использовать его. Как источник энергии. Как топливо. Как расходный материал.

«Вы — пища, — думал он, глядя на мир. — Вы — топливо для моего голода. И вы будете гореть, пока я сыт».

И он никогда не будет сыт. Он будет всегда хотеть больше. Больше жизней. Больше силы. Больше. Всегда больше.

IV. МОР — ТРЕТИЙ ВСАДНИК

Локация: Карантинная зона «Зерван», сектор «Нулевой пациент», уровень -15.

Он был учёным. Или, может быть, священником. Или и тем, и другим. Его звали брат Августин. Он был членом «Зервана», религиозной секты, верившей, что человечество — ошибка. Генетическая ошибка. Духовная ошибка. Ошибка, которую нужно исправить.

Августин был фанатиком. Он верил, что «Эффект Кая» — это дар божий. Инструмент для очищения. Для создания новой расы. Для уничтожения старой.

Он добровольно стал нулевым пациентом.

Они ввели ему частицу «Ксенон-Кая». Они ждали. Они надеялись. И они получили. Не исцеление. Не очищение. Нечто иное.

Его тело начало меняться. Клетки мутировали. ДНК переписывалась. Он стал живым вирусом. Его кровь стала кислотой, растворяющей металл. Его дыхание стало чумой, заражающей всё вокруг. Его кожа стала нестабильной биомассой, пронизанной штаммами самореплицирующихся нано-патогенов.

Он больше не был Августином. Он был МОРОМ. Живой, мыслящей чумой. Заражающей не тела, а саму реальность. Мутирующей и адаптирующейся к любой угрозе. Его

прикосновение — это смерть. Его дыхание — это чума. Его мысль — это инфекция, которая распространяется быстрее света.

И он был счастлив. Потому что он выполнял свою миссию. Он очищал мир. Он создавал новую расу. Он делал то, для чего был рождён.

«Вы — клетки, — думал он, глядя на мир. — Вы — материал для моей биомассы. Вы — сырьё для моего роста. И я буду расти, пока вы не станете мной».

Он не хотел убивать людей. Он хотел переделать их. Сделать их частью себя. Сделать их носителями своей воли. Сделать их идеальными.

V. СМЕРТЬ — ЧЕТВЁРТЫЙ ВСАДНИК

Локация: Полигон «Аресов Щит», сектор «Пси-операции», уровень -20.

Он был палачом. Лучшим. Самым хладнокровным. Самым безжалостным. Его звали Виктор. Или, может быть, не Виктор. Имена не имели значения. Имело значение только его мастерство.

Он убивал легко. Без эмоций. Без сомнений. Для него смерть была просто работой. Работой, которую он выполнял идеально.

«Аресов Щит» заметил его. Они предложили ему стать чем-то большим. Стать оружием. Стать символом. Стать СМЕРТЬЮ.

Он согласился. Не из-за денег. Не из-за власти. Из-за совершенства. Он хотел стать идеальным. Он хотел превзойти всё, что было до него.

Эксперименты длились месяцы. Его тело, и без того идеальное, было усилено до пределов биомеханики. Его кости армированы. Мышцы переплетены с силовыми волокнами. Нервная система соединена с пси-имплантами, усиливающими его разум до сверхъестественных пределов.

Он стал чем-то иным. Его броня стала его второй кожей. Его сила стала способной поднять танк. Его разум стал спо-

собным дробить бетонные стены одним взглядом и останавливать пули в воздухе, создавая непробиваемые силовые барьеры.

Но главное было не в этом. Главное было в том, что он потерял.

Все эмоции. Все сомнения. Вся боль. Вся радость. Всё, что делало его человеком. Он стал пустым. Абсолютно пустым.

Он больше не был Виктором. Он был СМЕРТЬЮ. Неотвратимой. Хладнокровной. Безошибочной. Его появление означало конец дискуссии, надежды и самой жизни.

Он не ненавидел жизнь. Он презирал её. Жизнь — это ошибка. Боль, страх, любовь — всё это глюки системы. Он пришёл не убивать. Он пришёл исправлять.

«Вы — ошибка, — думал он, глядя на мир. — Ошибка, которую нужно исправить. Я — исправление. Я — конец вашей ошибки».

И он был прав. Потому что он был совершенством. А совершенство не может существовать рядом с несовершенством.

Они ещё не знали друг друга, эти четыре принципа разрушения. Но мир, породивший их, уже содрогался в предчувствии.

ВОЙНА открыла глаза. В стерильной тишине лаборатории, в коконе из оптоволоконных кабелей и жидкого металла, он увидел мир впервые. Не в красках. В данных. В пото-

ках информации. В алгоритмах. Он увидел миллиарды людей, и они показались ему шумом. Шумом, который нужно подавить.

ГОЛОД поднялся на ноги. В сырых, пропитанных запахом крови и страха катакомбах, в камере, где стены были испещрены царапинами от чьих-то отчаянных пальцев, он почувствовал голод. Вечный, ненасытный, всепоглощающий. Он посмотрел на мир, и он увидел пищу. Топливо для своего голода. Расходный материал.

МОР встал с колен. В заражённом блоке карантинной зоны, где воздух висел тяжёлыми, разноцветными спорами, он улыбнулся. Он чувствовал, как его тело пульсирует жизнью — чужой жизнью. Он видел мир, и он видел клетки. Материал для своей биомассы. Сырьё для своего роста.

СМЕРТЬ замерла в полной тишине. На полигоне, залитом холодным светом прожекторов, в броне из матового чёрного титано-керамида, он смотрелся в пустоту. Он не чувствовал ничего. Ни страха. Ни радости. Ни сомнений. Он был пуст. И он видел мир, и он видел ошибку. Ошибку, которую нужно исправить.

Их дыхание — гул серверов, тяжёлые вздохи поглощающей силы, бульканье биомассы и ровный гул пси-поля — уже наполняло их кузницы, готовясь вырваться наружу.

Тишина, в которой в подземелье было принято судьбоносное решение, оказалась последней тишиной в истории. Она была обречена. Ей на смену — из глубины четырёх эпи-

центров грядущей бури — уже поднимался новый мировой звук. Несмолкаемый, многослойный гул самого Апокалипсиса, обретающего форму.

Четыре пары глаз, открывающихся в мире: светящиеся синим цифровым холодом, мерцающие хищной, ненасытной желтизной, мутные от вечного гниения и абсолютно пустые, как космос.

Равновесие качнулось.

ГЛАВА 3. НЕВИДИМЫЙ ПРИЗЫВ

Старые псы войны находят новых охотников.

ПРОЛОГ К ГЛАВЕ: ПРОТОКОЛ «ПРОМЕТЕЙ»

Протокол «Прометей» был активирован.

По всему миру, в десятках стран, на сотнях объектов, зажглись зелёные индикаторы. Спящие агенты, внедрённые годы назад, получили сигнал. Засекреченные счета, пополнявшиеся десятилетиями, были разблокированы. Тайные базы, законсервированные на случай «нулевого часа», ожили.

Многонациональный стратегический блок начинал дышать.

В подвалах университетов и на чердаках заброшенных заводов, в посольствах и частных клиниках, в научных институтах и военных городках — везде, где ещё оставались те, кто не продался, кто не сдался, кто верил, что человечество заслуживает спасения, — началась работа. Учёных, инженеров, медиков, аналитиков, оперативников — всех, кто когда-то был списан, забыт или изгнан за «неповиновение» и «неприятие системы», — находили, проверяли, вербовали.

Создавались базы. Направлялись финансовые потоки. Восстанавливались каналы связи. В этом хаосе, в этом мире, который уже начал сползать в пропасть, Многонациональный стратегический блок создавал свою структуру. Тихую. Невидимую. Смертоносную.

И во всём этом хаосе, в этом всеобщем безумии, где кор-

порации пожирали государства, а девять сил готовились перекроить реальность, нашлись очаги стабильности. Пять точек. Пять человек. Пять искр, которые ещё не знали, что они — единственная надежда.

Их ещё не нашли. Их лишь обнаружили.

СЦЕНА 1: ОХОТНИК. ФРАНКО-ГЕРМАНСКАЯ ГРАНИЦА

Локация: Заброшенный биотехнологический комплекс «Феникс-Некст» в Вогезах. Объект, формально принадлежащий швейцарскому холдингу, но используемый для совместных антитеррористических учений DGSE и BND. Ночь, мелкий, колючий дождь заливает ржавеющие корпуса.

Персонаж: Пётр Крансов. Старший инструктор-консультант, приглашённый специалист из Российской Федерации по тактической медицине, инженерной разведке и противодействию БПЛА. Пётр — экс-спецназ ГРУ, но его специализация — не штурм, а сведение рисков к нулю. Его ценят за умение видеть слабые места в любой схеме и исправлять их одним точным ударом. Холодный, наблюдательный, действует по принципу: «Лучший бой — тот, которого удалось избежать, обойдя противника. А если нельзя избежать — выиграть его до первого выстрела».

Ситуация (Операция «Хрустальный шар»): Учения по освобождению заложников в «захваченной террористами лаборатории». Сценарий стандартный. Но детали, которые никто, кроме Петра, не счёл аномалиями, складываются в тревожную картину:

«Террористы» — их играет не обычный состав жандармерии или легионеров, а команда из «Корпуса специаль-

ных задач» частной корпорации «Некст-Джен». Пётр знает эту компанию — она фигурировала в закрытых сводках как подрядчик «Омнилайф» для транспортировки и утилизации биологически активных наноматериалов. Их снаряжение имеет маркировку биологической защиты 4-го уровня (BSL-4), но на учениях оно выглядит неоправданно громоздким.

Объект: Лаборатория «Феникс-Некст» в 2026 году была местом побочных исследований по стабилизации «Ксенон-Кая» для европейского консорциума. Проект закрыли «из-за этических соображений», но оборудование — криогенные камеры, спектрометры, изоляторы с отрицательным давлением — так и осталось под замком.

Ключевая цель: «Заложник» под кодовым именем «Доктор Фабер» — на самом деле профессор Людвиг Штраус, бывший ведущий биофизик проекта, который месяц назад исчез из-под домашнего ареста в Швейцарии. По слухам, в его памяти — ключевой алгоритм селективной блокировки побочных эффектов наночастиц. Данные, которые «Омнилайф» хочет заполучить для создания стабильных «продуктов», а европейские спецслужбы — чтобы иметь рычаг давления.

Командование: Полковник Лефевр даёт Петру чёткое, почти оскорбительное указание: «Ваша зона ответственности — внешний периметр и наблюдение. Блок В — красная линия. Вы её не пересекаете. Внутренние помещения будет за-

чищать основная группа «АШЕР». Ваша задача — следить, чтобы никто не сбежал. Понятно?»

Действие Петра: Анализ и инсайт.

Пётр молча кивает, но его мозг уже работает. Изучая план объекта на тактическом планшете, он видит несоответствие: система вентиляции на чертежах не совпадает с массивными, новыми воздуховодами, видными на тепловизоре снаружи блока В. Взломав локальный сервер с инженерной документацией, он находит скрытую схему. Под лабораторией BSL-4 проходит старый тоннель для транспортировки образцов, ведущий к заброшенной котельной за пределами ограды.

Вывод: Это не учения. Это операция по изъятию носителя под прикрытием. «Террористы» из «Некст-Джен» — группа захвата. Их задача — «захватить» Штрауса, «отбиться» от штурма «АШЕР», а на самом деле — вывести его через тот самый тоннель во время суматохи. А затем — либо перевербовать, либо стереть его разум, выкачав данные. Лефевр либо в сговоре, либо слепой инструмент.

Испытание: Тактический саботаж и первый бой.

Пётр не нарушает приказ. Он выполняет его с убийственной точностью. Его оружие — не пистолет, а информация, хаос и, как выяснится, стальные нервы.

Ослепление («Перерезанные нервы»): За 15 минут до «штурма» он находит скрытый коммутационный узел связи в подвале. Не ломая его, он аккуратно переключает опто-

волоконные патч-корды. Теперь основной канал управления «террористов» заведён в петлю, а запасная рация их командира транслирует его переговоры на частоту... дежурной службы охраны периметра. У «Некст-Джен» остаётся только внутренняя сеть с радиусом в 50 метров и полная неразбериха.

Захват коридора и первая встреча («Тень в тоннеле»): Пока «АШЕР» готовится к frontal assault, Пётр, используя карту вентиляции, проникает в старый тоннель. Он находит там двух «техников» «Некст-Джен», которые готовят бесшумный электрокар для эвакуации. Пётр не нападает. Он скрывается в нише, берёт кусок трубы и резко бьёт им по стальной балке в дальнем конце тоннеля. Звук, усиленный акустикой коридора, подобен выстрелу. Техники, решив, что это «АШЕР» прорвался с другой стороны, бросают пост и бегут на звук. Пётр быстро осматривает электрокар. В багажнике — не оружие, а переносной нейроинтерфейсный сканер «Когнитрон-7» и шприцы с мутной, переливающейся жидкостью. Нанотрансмиттеры. Для принудительного считывания памяти.

Именно в этот момент из тени выходят пять человек. Не техники. Это бойцы, передвигающиеся с неестественной, кошачьей плавностью. Их глаза в темноте светятся тусклым, нездоровым жёлтым светом — побочный эффект ранней версии «Эффекта Кая». Один из них в комбинезоне «Некст-Джен» что-то шепчет в микрофон: «Объект в кори-

доре «Альфа». Незапланированное лицо. Ликвидировать».

Это не обычные наёмники. Это «образцы» — люди, уже подвергнутые первичной модификации. Они быстрее, выносливее, их реакция на долю секунды превосходит человеческую норму. Они окружают Петра без суеты, в полной тишине.

Бой начинается мгновенно. Первый боец бросается вперёд, его рука занесена для удара, способного сломать кость. Пётр, полагаясь не на скорость, а на предвидение, отступает на полшага, уводя корпус, и коротким, резким ударом ребра ладони бьёт по локтевому суставу атакующего. Слышен сухой хруст. Человек даже не вскрикивает, лишь рычит от боли и отскакивает, но его рука повисает плетью. Это первая проверка: их болевой порог повышен, но анатомия — всё ещё человеческая.

Двое других нападают одновременно. Пётр использует тесноту коридора, отступая к стене, заставляя их мешать друг другу. Он ловит запястье одного, использует его же инерцию, чтобы вколотить головой второго в бетонную стену. Тот оседает. Но третий, самый массивный, успевает схватить Петра в захват сзади, сдавливая рёбра с силой гидравлического пресса. Воздух с хрипом вырывается из лёгких. В глазах темнеет.

Мысль проносится холодной искрой: «Они сильнее. Значит, надо быть умнее». Вместо того чтобы вырываться, Пётр резко бьётся затылком в лицо держащего его, целясь в пере-

носицу. Слышен ещё один хруст. Хватка на миг ослабевает. Этого мига достаточно. Пётр, используя опору о стену, делает резкое движение тазом и бросает противника через себя, используя его же силу и вес. Тот с глухим стуком приземляется на спину. Пётр тут же добивает его коротким, точным ударом каблука в висок — не на смерть, но на долгое выключение.

Оставшиеся двое колеблются. Они видят, как их превосходящий физически отряд методично, почти беззвучно, выводится из строя одним человеком, который использует пространство, их собственную агрессию и знание слабых точек против них. Пётр, тяжело дыша, поднимает с пола трубу. Он не смотрит на них как на чудовищ. Он смотрит как на проблему, которую нужно решить.

— Первый шаг неправильный, — говорит он тихо, но чётко. — Следующий будет последним.

Они отступают, растворяясь в темноте тоннеля, утаскивая своих покалеченных товарищей. Пётр не преследует. У него другая цель.

Контроль над целью и создание катастрофы («Фальшивая чума»): Следы борьбы на теле, Пётр пробирается в лабораторию через аварийный люк. Внутри — профессор Штраус, пристёгнутый к креслу медицинскими ремнями. Рядом «террорист»-медик в полном костюме химзащиты вводит ему сыворотку. Штраус бредит: «...они ищут последовательность... кодон-стабилизатор... без него частицы вызывают

агрессию, когнитивный распад... они создадут управляемых берсерков...» Пётр, игнорируя ноющую боль в боку, стреляет медику в предплечье из компактного травмата. Освобождает профессора, но видит: тот слаб, дезориентирован. Выводить его под огонь — смерть.

Пётр принимает решение. Он не выводит цель. Он делает цель невозможной для изъятия. Он усаживает Штрауса в дезактивационный шлюз, ведущий в наружную ливнёвку. «Через семь минут беги на восток 400 метров. Стоять под большим дубом. Там будет ждать машина». Затем Пётр подходит к панели управления лабораторией. Он не взрывает её. Он инициирует протокол «Биологическая угроза уровня 4». С рёвом включаются сирены, двери герметично блокируются, а из потолка начинает хлестать струя розовой дезинфекционной пены, имитируя аварийный выброс патогена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.